

ПОЭЗИЯ Е.А. БОРАТЫНСКОГО В ВОСПРИЯТИИ И.А. ИЛЬИНА¹

Ю.Ю. Анохина

Институт мировой литературы имени А.М. Горького

Аннотация: В статье рассматривается вопрос об отражении в работах И.А. Ильина его отношения к творчеству Е.А. Боратынского. Показано, что стихи поэта нередко становятся «поэтической иллюстрацией» ключевых идей религиозной философии Ильина (идея значимости всего, что происходит в земном мире) и его эстетики (сущность творческого созерцания). Продемонстрировано, что фигура Боратынского мыслится философом неотделимой от «великой русской поэзии», поэзии пушкинской поры.

Ключевые слова: Е.А. Боратынский, И.А. Ильин, философия, литература, поэзия.

В истории русской литературы лирика Е.А. Боратынского (1800–1844) признается «поэзией мысли», сталкивающей читателя с неизбежностью разрешения философских проблем. Поэтому представляется несправедливым вопрос о том, как «литературоцентричная» русская философия восприняла творчество Боратынского. Этот вопрос особенно интересен и потому, что к лирике Боратынского обращались такие видные представители русской философии, как В.С. Соловьев, В.В. Розанов², Вас. Зеньковский³. Не оставил без внимания произведения Боратынского и И.А. Ильин (1883–1954), хотя он не посвятил поэту специального труда. Правда, имени Боратынского нет в той иерархии русских художников слова во главе с А.С. Пушки-

¹ Статья написана в Институте мировой литературы им. А.М. Горького РАН за счет гранта Российского научного фонда (проект РНФ № 17–18–01432).

² Об этом в нашей статье: *Анохина Ю.Ю.* Личность и поэзия Е.А. Боратынского в русской философской мысли конца XIX – начала XX века: Вл. Соловьев и В.В. Розанов о поэте // Литература и религиозно-философская мысль конца XIX – первой трети XX века. К 165-летию Вл. Соловьева / Отв. ред. и сост. Е.А. Тахо-Годи. М.: Водолей, 2018. С. 310–325.

³ Боратынскому посвящен раздел статьи Зеньковского: *Зеньковский В.В.* Философские мотивы русской поэзии // Поэзия как жанр русской философии / Сост. И.Н. Сиземская. М.: ИФРАН, 2007. С. 29–58.

киным и И.С. Шмелевым, которую видит в литературно-критическом наследии философа современная исследовательница М.Р. Тарасова⁴. Однако на самом деле, Ильин нередко обращался к творчеству поэта и в чисто философских работах, и в трудах, вскрывающих философские проблемы литературных произведений. В настоящей статье предпринимается попытка проследить, как поэзия Боратынского «встраивается» в систему философских воззрений Ильина. Думается, это позволит на конкретном примере увидеть, как происходит сложный процесс взаимодействия русской литературы и философии.

Ильин характеризует Боратынского как «глубокомысленного созерцателя» (Т. 1, 156)⁵, называет его «мудрым»⁶. Слова «мудрость»⁷ и «созерцание»⁸ в эстетике Ильина категориально значимы. Высокая оценка, данная Боратынскому, объясняет, почему его стихи становятся иллюстрацией ключевых положений философии Ильина.

Особенно явственно это прослеживается на примере функционирования у Ильина строчек из стихотворения Боратынского «На посев леса», написанного в 1842–1843 годах и при жизни поэта не публиковавшегося. Стих *Нет на земле ничтожного мгновенья* возникает в работах, посвященных самым разным проблемам. В книге «Путь духовного обновления» (1935) философ с его помощью формулирует духовный закон, открывающийся человеку, сумевшему «приобрести око для духа и внутреннее огнище для любви» (Т. 1, 77). Во второй главе этой книги автор показывает, что, достигая способности к духовной любви, человек осознает, как ценно все происходящее в земном мире. Философ подчеркивает идею абсолютной оправданности здешнего бытия отсылкой к Боратынскому: «И

⁴ Тарасова М.Р. Художественные особенности литературной критики И.А. Ильина: Монография. Южно-Сахалинск: СахГУ, 2009. С. 8–9.

⁵ Здесь и далее в тексте в скобках указаны том и страница по изд.: Ильин И.А. Собр. соч.: В 10 т. / Сост., вступ. ст. и коммент. Ю.Т. Лисицы. М.: Русская книга, 1993–1999.

⁶ Ильин И.А. Собр. соч.: Справедливость или равенство? / Сост. и коммент. Ю.Т. Лисицы. М.: ПСТГУ, 2006. С. 385.

⁷ Например, в лекции «Духовный кризис русской интеллигенции» «мудрость» – черта, присущая русским философам и поэтам, наследие которых осталось без внимания представителей передовой русской мысли XIX века, что стало, с точки зрения философа, причиной национально-исторического упадка.

⁸ По Ильину, способность к особому творческому созерцанию – необходимое качество, наряду с талантом и умом: им человек должен обладать «для того чтобы творить художественное искусство» (Т.6: Кн. 1, 91).

тогда только откроется нам, что, действительно, “нет на земле ничтожного мгновенья”, и станет понятно, почему есть немало людей, которые смотрят и не видят, или, по Гераклиту, “присутствуя, отсутствуют”» (Т. 1, 77). Слова поэта не только иллюстрируют одну из ключевых идей русского философа, но и совмещаются на равных с суждением Гераклита. В пятой главе, «О семье», философ размышляет о смысле воспитания и отмечает, что воспитывать человека нужно так, чтобы он «мог закончить свою жизнь словами глубокомысленного созерцателя Баратынского:

Велик Господь! Он милосерд, но прав,
Нет на земле ничтожного мгновенья...» (Т. 1, 156).

Задача воспитания соответствует, по Ильину, главной цели духовного становления человека. Эта цель – в оправдании Творца. Стих Боратынского позволяет Ильину образно и емко сформулировать ответ на вопрос о смысле жизни человека, одном из важнейших в русской философии начала XX века⁹.

Строка из стихотворения «На посев леса» возникает и в рассуждениях в книге «Аксиомы религиозного опыта» (1952). В «Литературных добавлениях к главе тринадцатой» («Религиозный смысл пошлости») Ильин утверждает, что русской поэзии и Православию «в высшей степени свойственно это воззрение на мир, для которого на свете нет богомертвых вещей и состояний»¹⁰. Философ пишет, что «Боратынский гениально сформулировал это понимание»¹¹ в стихе *Нет на земле ничтожного мгновенья*. Аналогично и в шестнадцатой главе «Аксиом» – в «Огнях личной жизни», где философ с помощью этой строки поясняет следующую мысль: «Нет “безразличных”, то есть духовно пустых или мертвых обстоятельств; нет, по слову Пушкина, “напрасных и случайных даров” жизни; нет “праздных” событий. Все в жизни “говорит”, “зовет”, “учит”; все подает знак, все знаменует о более глубоком и более высоком; все – значительно. “Нет на земле ничтожного мгновенья” (Баратынский)»¹². Любопытно, что здесь Боратынский противопоставлен А.С. Пушкину, и жизне-

⁹ Например: *Трубецкой Е.Н.* Смысл жизни. М.: Тип. т-ва И.Д. Сытина, 1918.

¹⁰ *Ильин И.А.* Собр. соч.: Аксиомы религиозного опыта: в 2 т. М.: Русская книга, 2002–2003. Т. 1. 2002. С. 443.

¹¹ Там же. С. 443.

¹² *Ильин И.А.* Собр. соч.: Аксиомы религиозного опыта. Т. 2. 2003. С. 34.

утверждающее религиозное начало Ильин находит именно в поэзии Боратынского. Для философа эта строка – «вещее слово Боратынского»¹³, он даже ставит ее эпиграфом к небольшому параграфу «Литературные добавления» к «Огням личной жизни». Строка из стихотворения Боратынского «На посев леса», одного из немногих текстов, в которых поэт предстает апологетом бытия, вспоминается Ильиным при изложении идей нравственной и религиозной философии. В таком контексте в «Аксиомах религиозного опыта» Ильин вспоминает еще об одном произведении Боратынского, о его «Молитве» (1844 <?>): в небольшом параграфе «Литературные добавления к главе двадцать пятой» («Приобщение к свету») философ полностью цитирует стихотворение Боратынского «Царь небес! успокой...». Наряду с высказыванием Исаака Сирина о снискании тишины ума, стихи Боратынского призваны показать, что без мира в помышлениях попытки проникновения в «сокровенные тайны» бессмысленны¹⁴.

В работах Ильина Боратынский фигурирует не только как поэт, сумевший выразить сущность духовных законов, но и как историческая личность, как современник Пушкина, в котором Ильин видел «путеводную звезду русской поэзии» (одна из статей философа о Пушкине названа именно так). В лекции «Пророческое призвание Пушкина» (1937) Ильин предполагает, что людям, живущим спустя столетие после гибели гениального поэта, «боговдохновенность» его творчества яснее, чем для тех, кто жил с Пушкиным в одну эпоху. Однако, согласно Ильину, некоторые современники Пушкина смогли увидеть в его поэзии сакральное начало, например, Н.М. Языков, П.А. Вяземский и Боратынский. Ильин пишет: «Мы вместе с Языковым признаем поэзию Пушкина истинным “священно-действием”. Мы вместе с князем Вяземским готовы сказать ему:

...Жрец духовный,
Дум и творчества залог <...>

Вместе с Боратынским мы именуем его “наставником” и “пророком”» (Т. 6: Кн. 2, 39). Здесь Ильин отсылает к эпиграмме Боратынского «Не бойся едких осуждений...» (1827), в которой поэт убеждает адресата прислушиваться к здоровой критике, а не упиваться похвалами толпы. Хотя позднейшие исследования показывают, что адресатом этой эпи-

¹³ Там же. С. 315.

¹⁴ Там же. С. 438.

граммы был духовный писатель А.Н. Муравьев¹⁵, а не Пушкин, как очевидно, считал Ильин.

Характеризуя личность Пушкина, Ильин ссылается на конкретные примеры отношения поэта к «собратьям по перу». В статье «Пушкин в жизни» (1937) философ утверждает, что величие духа гениального поэта проявилось и в том, что он был чужд зависти к другим творцам. Ильин пишет: «Это он [Пушкин] обласкал и ободрил Кольцова, взрастил своими советами Гоголя, упивался Баратынским, Денисом Давыдовым, проливал слезы, слушая трагедию Погодина или стихотворения Языкова. И избегал делать критические замечания, оберегая творческое самочувствие в другом. Сам богат духа, ума, сердца, он радовался всякому чужому богатству – щедро, беззавистно, искренно» (Т. 6: Кн. 2, 86). В лекции «Александр Пушкин как человек и характер» (1943) Ильин показывает, что никто из даровитых современников Пушкина не остался без его ободряющего внимания: все они, в том числе и Боратынский, «имели счастье пользоваться его одобрением и расположением»¹⁶.

В статьях Ильина о Пушкине фигура Боратынского предстает неотделимой от общего контекста русской литературы первой половины XIX века, а проблема «Пушкин и Боратынский» решается, хоть и подспудно, но вполне однозначно. Согласно Ильину, Боратынский – один из первых, кто уловил в творчестве Пушкина провиденциальное начало, а Пушкин, в свою очередь, искренне наслаждался поэзией Боратынского.

Такое представление о взаимоотношениях поэтов позволяет понять, почему, анализируя драму Пушкина «Моцарт и Сальери», Ильин остается чужд гипотезе о Боратынском как прообразе Сальери, которая вслед за литературным критиком И.Л. Леонтьевым-Щегловым была подхвачена В.В. Розановым¹⁷. В статье «“Моцарт и Сальери” (Гений и злодейство) Пушкина» (1941) мыслитель вспоминает о Боратынском, но в связи с главным вопросом, поставленным в ней: вопросом о природе гениальности.

¹⁵ *Боратынский Е.А.* Полн. собр. соч. Т. 2. Ч. 1: Стихотворения 1823–1834 годов / Ред. О.В. Голубева, А.Р. Зарецкий, А.М. Песков. М.: Языки славянской культуры, 2002. С. 172.

¹⁶ *Ильин И.А.* Собр. соч.: Статьи. Лекции. Выступления. Рецензии (1906–1954) / Сост. и коммент. Ю.Т. Лисицы. М.: Русская книга, 2001. С. 191.

¹⁷ Об этом в статье: *Анохина Ю.Ю.* Личность и поэзия Е.А. Боратынского в русской философской мысли конца XIX – начала XX века: Вл. Соловьев и В.В. Розанов о поэте // Литература и религиозно-философская мысль конца XIX – первой трети XX века. К 165-летию Вл. Соловьева. С. 310–325.

Гений, по Ильину, – тот, кто обладает способностью созерцать и выражать. Согласно философу, Пушкин, Тютчев и Боратынский в некоторых своих стихотворениях описали состояние поэта, пребывающего в процессе творческого созерцания. В частности, в стихотворении «Толпе тревожный день приветен, но страшна...» (1839). «А вот Боратынский, – пишет Ильин и цитирует несколько строк из этого произведения, –

О, сын фантазии! Ты благодатных фей
Счастливый баловень, и там, в заочном мире,
Веселый семьянин, привычный гость на пире
Неосязаемых властей...» (Т. 6: Кн. 2, 107).

Эти стихи становятся примером того, как поэт воспроизводит процесс вдохновенного творчества, когда «он зрит Бога; он ищет всю жизнь Божиих лучей, находит их и пребывает в них; он становится их слугой, их орудием, их органом» (Т. 6: Кн. 2, 107). Можно предположить, что, с точки зрения Ильина, и в Боратынском реализовался гений, ведь и ему было доступно созерцание Предмета, и ему удалось отлить добытое в процессе творческого созерцания знание в точные и емкие художественные образы.

Отсылка к стихотворению «Толпе тревожный день приветен, но страшна...» возникает и в книге «Основы художества. О совершенном в искусстве» (1937), где, как пишет Ю.Т. Лисица, Ильин «подробно излагает феноменологический метод философского анализа искусства»¹⁸. В пятой главе, рассуждая о сущности творческого созерцания, философ цитирует те же строки из стихотворения «Толпе тревожный день приветен, но страшна...», что и в статье о «Моцарте и Сальери». Ильин подчеркивает: «В духовном созерцании художнику действительно раскрывается заочный мир, мир духовных обстоятельств, сил и законов; и не он властвует над ними, а они над ним» (Т. 6: Кн. 1, 103). В этой же пятой главе Ильин вспоминает еще об одном произведении Боратынского, о стихотворении «Бокал» (1836). Оно становится примером, показывающим, что истинный поэт «бежит» ради творческого созерцания тайны «от суеты, в уединение» (Т. 6: Кн. 1, 103). В шестой главе строчка из стихотворения «Уныние» (1820–1821) *Того не приобрести, / Что сердцем не дано* возникает в подтверждение мысли философа о том, что творческий акт художника определяется именно его способностью чувствовать, любить (Т. 6: Кн. 1,

¹⁸ Лисица Ю.Т. Комментарии (Т. 6: Кн. 1, 542).

109). Обращение философа к поэзии Боратынского в книге «Основы художества» закономерно: ведь еще в первой ее главе «Что такое искусство?» Ильин называет Боратынского среди тех «великих русских поэтов» (Т. 2: Кн. 2, 321), которые воспринимали поэзию как предназначение и служение. Такое отношение поэта к своему искусству, согласно Ильину, единственно верное: «художник имеет пророческое призвание не потому, что он “обличает порочность людей”, а потому, что через него прорекает себя созданная Богом сущность мира и человека» (Т. 2: Кн. 2, 321).

Показательно, что Боратынский для Ильина – истинно национальный поэт. В трех речах «О России» (1926–1933) философ вновь цитирует строчку из стихотворения «На посев леса»: не называя ее автора, он делает акцент на том, что эти слова были сказаны именно *русским* поэтом. Боратынский назван в ряду тех поэтов и писателей, чье творчество формирует «сокровищницу русского искусства» (Т. 2: Кн. 2, 386) и в работе «Сущность и своеобразие русской культуры» (1942). В статье «Когда же возродится великая русская поэзия» (1954), в которой, по словам Ю.И. Сохрякова, «Ильин связывает возрождение русской поэзии с духовно религиозным возрождением России»¹⁹, Боратынский упоминается в числе тех русских поэтов, чье творчество «было порождением истинного чувства, восторга, одушевления, вдохновения, света и огня» (Т. 2: Кн. 2, 319). Более того, в поэзии Боратынского мыслитель находит и понимание одной из причин упадка, охватившего взаимосвязанные сферы жизни русской интеллигенции: от сугубо индивидуальной, духовной до социально-политической. В лекции «Духовный кризис русской интеллигенции» (1934) Ильин, рассуждая об истоках такого упадка, полностью цитирует призыв Боратынского А. Мицкевичу «Не подражай: своеобразен гений...» (1828). Согласно философу, одна из предпосылок кризиса – в том, что ведущие представители русской мысли начала XIX века вместо того, чтобы «ценить свои силы», тратили «драгоценное время на ученическое подражание», предпочитая следовать «по путям западного рассудничества и скептицизма»²⁰. «Мудрый Баратынский», согласно Ильину, верно почувствовал опасность слепого следования тенденциям, органически чуждым «подражателю». Такое виденье поэзии Боратынского,

¹⁹ Сохряков Ю.И. Ильин Иван Александрович // Писатели русского зарубежья (1918–1940): Справочник. Т. 1. Ч. I. М.: ИНИОН РАН, 1993. С. 236.

²⁰ Ильин И.А. Собр. соч.: Справедливость или равенство? / Сост. и коммент. Ю.Т. Лисицы. М.: ПСТГУ, 2006. С. 385.

согласно которому в ней воплотились не только глубоко личные начала, но и национальные, объясняет, почему Ильин обращается к его произведениям в лекции «Россия в русской поэзии», которую философ неоднократно читал: в Берлине (1935), в Риге (1937) и в Цюрихе (1940, 1941).

Свою задачу лектор видел в том, чтобы способствовать преодолению тоски по родине, хорошо знакомой его слушателям – русским эмигрантам. Первая часть лекции посвящена, главным образом, восприятию русскими поэтами родной природы, а вторая – их взгляду на российскую историю. Как отмечает М.Р. Тарасова, в лекции «использовано 67 имен, 53 из них – не повторяется»²¹. Подчеркнем, что Боратынский здесь как раз фигурирует среди «повторяющихся». Ильин вспоминает о стихотворениях поэта: «Люблю деревню я и лето...» (1828), «Водопад» (1820–1821), «В дни безграничных увлечений...» (1831), «Когда исчезнет омраченье...» (1832–1833) и «Ахилл» (1841). Эпиграмма «Люблю деревню я и лето...» – один из примеров, подтверждающих мысль о том, что для русской поэзии «нет мелкого и ничтожного» (Т. 6: Кн. 2, 213). Философ полностью цитирует это произведение поэта и пересказывает его так: «А вот Боратынского в деревне одолевают комары и гости; и комарам он прощает, а гостям – нет» (Т. 6: Кн. 2, 213). Ильин вспоминает и о стихотворении «Водопад», предполагая, что было бы «чудесно сравнить водопад, воспетый Державиным, Вяземским, Боратынским и Языковым» (Т. 6: Кн. 2, 223). Сопоставительный анализ, с точки зрения Ильина, нужен потому, что каждый из великих русских поэтов создал свой собственный образ русской природы, воспитавшей в русской душе особую религиозную чуткость и открытость Божественному.

Во второй части лекции Ильин обращается к истокам русского нигилизма, когда «в первой половине XIX века русская интеллигенция научилась у Вольтера нигилистической улыбке, а у Байрона богоборческой позе» (Т. 6: Кн. 2, 241). Одним из поэтических примеров, призванных пояснить, как именно «дух противоречия» одолевает человека, становится элегия Боратынского «В дни безграничных увлечений...». Ильин здесь не столько критикует Боратынского, сколько показывает, как именно в его творчестве преломилось то общее для русской интеллигенции первой половины XIX века влияние Вольтера и Байрона, которое претерпели и без-

²¹ Тарасова М.Р. Адресаты литературной критики И.А. Ильина // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер. Литературоведение. Журналистика. 2008. № 3. С. 19.

условный гений Пушкин, и М.Ю. Лермонтов. Такое влияние воспринимается Ильиным негативно: оно «замутило» чистый источник духовной силы, необходимой России для того, чтобы нести «бремя своей борьбы и своего строительства» (Т. 6: Кн. 2, 240). Во второй половине XIX века это воздействие «обновилось» влиянием Ф. Ницше и К. Маркса, что, в конце концов, привело к страшной драме российской истории – революции.

Однако и эта трагедия России, согласно Ильину, не вечна, ведь «вся русская поэзия как единым голосом отмечает эту способность России поддаваться распаду, унынию и малодушию и вдохновенно восстать после покаяния с верою в Бога и уверенностью в собственных силах» (Т. 6: Кн. 2, 254). В подтверждении своих слов Ильин приводит «историософские» примеры из поэзии А.С. Хомякова и Г.Р. Державина. Он вспоминает и о «вопрошающем призыве Боратынского» (Т. 6: Кн. 2, 255), его элегии «Когда исчезнет омраченье...». Обращаясь к современникам, Ильин призывает их очиститься «от страха и страстей», поскольку время требует «покаянного очищения в беде и скорби» (Т. 6: Кн. 2, 256). Необходимость духовного борения находит, по Ильину, выражение в стихотворении «Ахилл». Полностью цитируя этот текст, философ отмечает: «Ахилл был весь закален и неуязвим кроме одной пяты. А мы со всех сторон, целиком открыты страданию, и только одна пята души неуязвима у нас – это вера, на которую мы должны стать как на непоколебимую опору» (Т. 6: Кн. 2, 256).

Согласно Ильину, лирике Боратынского присущи черты, характерные для русской поэзии XIX века: это и внимание к бытовому, на первый взгляд, малозначимым деталям; это и стремление постичь «духовным оком» родную природу и историю своей страны. По Ильину, общие для русской интеллигенции XIX века периоды духовного упадка выражены и в творчестве Боратынского, но у поэта обозначены возможные пути выхода из кризисного состояния, чем он особенно дорог мыслителю.

В работах Ильина, как мы видим, содержатся отсылки к стихотворениям Боратынского, написанным на разных этапах его поэтического становления: это и ранние «Уныние» и «Водопад», и итоговое «На посев леса». В фокусе внимания философа оказываются произведения, различные в жанровом отношении. Он упоминает и эпиграммы Боратынского («Люблю деревню я и лето...», «Не бойся едких осуждений...», «Не подражай: своеобразен гений...»), и его знаменитые философско-психологические элегии («В дни безграничных увлечений...», «Когда исчезнет омраченье...»), а также стихотворения из последней книги стихов «Сумерки»

(«Бокал», «Ахилл», «Толпе тревожный день приветен, но страшна...»). Для Ильина Боратынский – один из «великих русских поэтов» пушкинской поры, в его творчестве выразилось понимание индивидуально-личных творческих процессов, а также глубокое «прозрение» всеобщих исторических и духовных законов. В поэзии Боратынского Ильин находит самобытное осмысление национальной, духовной жизни, созвучное его собственной философии.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Анохина Ю.Ю.* Личность и поэзия Е.А. Боратынского в русской философской мысли конца XIX – начала XX века: Вл. Соловьев и В.В. Розанов о поэте // Литература и религиозно-философская мысль конца XIX – первой трети XX века. К 165-летию Вл. Соловьева / Отв. ред. и сост. Е.А. Тахо-Годи. М.: Водолей, 2018. С. 310–325.
2. *Боратынский Е.А.* Полн. собр. соч. Т. 2. Ч. 1: Стихотворения 1823–1834 годов / Ред. О.В. Голубева, А.Р. Зарецкий, А.М. Песков. М.: Языки славянской культуры, 2002. 440 с.
3. *Зеньковский В.В.* Философские мотивы русской поэзии // Поэзия как жанр русской философии / Сост. И.Н. Сиземская. М.: ИФРАН, 2007. С. 29–58.
4. *Ильин И.А.* Собр. соч.: В 10 т. / Сост., вступ. ст. и коммент. Ю.Т. Лисицы. М.: Русская книга, 1993–1999.
5. *Ильин И.А.* Собр. соч.: Аксиомы религиозного опыта: В 2 т. М.: Русская книга, 2002–2003.
6. *Ильин И.А.* Собр. соч.: Статьи. Лекции. Выступления. Рецензии (1906–1954) / Сост. и коммент. Ю.Т. Лисицы. М.: Русская книга, 2001. 560 с.
7. *Ильин И.А.* Собр. соч.: Справедливость или равенство? / Сост. и коммент. Ю.Т. Лисицы. М.: ПСТГУ, 2006. 574 с.
8. *Сохряков Ю.И.* Ильин Иван Александрович // Писатели русского зарубежья (1918–1940): Справочник. Т. 1. Ч. I. М.: ИНИОН РАН, 1993. С. 230–238.
9. *Тарасова М.Р.* Адресаты литературной критики И.А. Ильина // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер. Литературоведение. Журналистика. 2008. № 3. С. 17–22.
10. *Тарасова М.Р.* Художественные особенности литературной критики И.А. Ильина: Монография. Южно-Сахалинск: СахГУ, 2009. 216 с.
11. *Трубецкой Е.Н.* Смысл жизни. М.: Тип. т-ва И.Д. Сытина, 1918. 232 с.